

Генеральная Ассамблея

Шестьдесят четвертая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
26 January 2010
Russian
Original: English

Шестой комитет стимулировать

Краткий отчет о 18-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в среду, 28 октября 2009 года, в 15 ч. 00 м.

Председатель: г-н Стасоли (заместитель Председателя) ..... (Албания)

Содержание

Пункт 81 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят первой сессии (*продолжение*)

Пункт 78 повестки дня: Уголовная ответственность должностных лиц и экспертов в командировках Организации Объединенных Наций (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели после даты издания* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Поправки будут изданы после окончания сессии в отдельном для каждого комитета документе, содержащем только исправления.

09-58084 (R)

Просьба отправить на вторичную переработку

В отсутствие г-на Бенмехиди (Алжир) место Председателя занимает заместитель Председателя г-н Стастоли (Албания).

Заседание открывается в 15 ч. 15 м.

Пункт 81 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят первой сессии (продолжение) (A/64/10 и A/64/283)

1. **Г-н Чаплинский** (Польша) касательно оговорки к международным договорам отмечает, что его делегация поддерживает усилия Комиссии, направленные на решение всех вопросов, которые могут породить проблемы на практике, но при этом считает, что увеличение числа руководящих указаний и их чрезмерная обстоятельность могут отрицательно сказаться на практической полезности документа. Необходимо найти правильное соотношение между полнотой охвата той или иной темы и необходимостью завершить работу над ней. Комиссии следует сосредоточить внимание на вопросах, важных с практической точки зрения, и тратить меньше времени на изучение тех тем, которые резко затрагиваются на практике, таких как одобрение заявления о толковании.

2. В проекте руководящего положения 3.4.2 («Субстантивная действительность возражения против оговорки»), как представляется, допускаются возражения с «промежуточным эффектом», если они удовлетворяют определенным условиям; однако такое допущение представляется преждевременным, поскольку Комиссия пока не проанализировала конкретные юридические последствия оговорок. Позиция Специального докладчика, который считает, что Венская конвенция 1969 года о праве международных договоров не разрешает прямо возражений с «промежуточным эффектом», но и не запрещает их, заслуживает поддержки, но в связи с ней возникает множество вопросов, требующих дальнейшего изучения. Поскольку в проекте этого руководящего положения речь идет о случаях, когда государство, являющееся автором возражения, намерено исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, такие возражения по своим юридическим последствиям, на которые рассчитывают их авторы, фактически равноценны оговоркам. Таким образом, такие возражения представляют собой своего рода «контроговорки». В соответствии с основополагающим принципом, закрепленным в

статье 38 Статута Международного Суда, международные конвенции устанавливают правила, определенно признанные договаривающимися государствами, и, соответственно, для того чтобы возражение с «промежуточным эффектом» привело к желаемым последствиям, может быть необходимо согласие — хотя бы молчаливое — автора оговорки. Если Комиссия решит принять проект руководящего положения 3.4.2 в его нынешнем виде, ей следует добавить слово «и» между подпунктами (1) и (2) с целью обозначить, что для признания возражения действительным должны быть выполнены оба условия. Что касается вопроса о субстантивной действительности заявлений о толковании, то, возможно, в проект руководящего положения 3.5 можно было бы включить дополнительное требование о том, что такие заявления должны соответствовать объекту и цели соответствующего международного договора.

3. Возможность переквалификации заявлений о толковании — довольно частое явление — позволяет государствам применять правила разграничения оговорок и заявлений о толковании, содержащиеся в руководящем положении 1.3.1. Кроме того, только переквалификация позволяет государствам оценивать заявления о толковании, сделанные другими сторонами договора, когда такие заявления следует расценивать как оговорки согласно руководящим положениям 1.3, 1.3.1, 1.3.2 и 1.3.3.

4. Его делегация в целом согласна с формулировкой проектов руководящих положений 3.4.1 и 3.6; вместе с тем необходим дальнейший анализ юридических последствий переквалификации заявлений о толковании. Из формулировки руководящего положения 2.9.3, гласящего, что государство «считает» заявление, сделанное другим государством, оговоркой, создается впечатление, что каждое государство может самостоятельно решать, является ли заявление другого государства заявлением о толковании или оговоркой. Важно внести ясность в вопрос о том, могут ли такие односторонние заявления влечь за собой такие далеко идущие юридические последствия. Необходимо также рассмотреть вопрос о том, может ли государство или международная организация, сделавшие заявление о толковании, переквалифицированное другим государством в оговорку, принимать какие-либо меры в связи с такой переквалификацией и каковы были бы юридические последствия таких мер.

5. Что касается высылки иностранцев, то, хотя Специальный докладчик признал необходимость обеспечения баланса между правом государств на высылку иностранцев и требованием о соблюдении прав человека, формулировка ряда проектов статей вызывает беспокойство. В проекте статьи 8 говорится о необходимости соблюдения «основных прав» высланных лиц и «всех других прав, реализация которых обусловлена специфическим положением [высланного лица]». Однако на практике может быть непросто определить содержание этих двух категорий прав, поскольку значение термина «основные права» в различных национальных и международных правовых документах существенно различается. Специальный докладчик признал, что правового определения этого понятия не существует; следовательно, его не представляется возможным использовать в качестве надежной основы для общей обязанности соблюдать права человека высланных лиц.

6. В проекте статьи 14 говорится о двух сторонах обязательства не подвергать дискриминации: обязанности государства, осуществляющего свое право на высылку, не подвергать дискриминации соответствующее лицо и праве высланного лица не подвергаться дискриминации при осуществлении им своих прав и свобод. В свете прав и свобод, закрепленных в международно-правовых нормах о правах человека, пока непонятно, каким образом концепция недискриминации увязывается с правом на высылку. В связи с этим Специальный докладчик принял разумное решение изменить план своей работы и формулировку ряда предлагаемых проектов статей.

7. **Г-н Йи** (Сингапур) говорит, что сложность темы оговорки к международным договорам обусловлена самой юридической структурой международного права, и какой-либо один субъект или орган редко могут самостоятельно признать оговорку или заявление о толковании допустимым, поскольку по сути это равносильно согласию государств с такой оговоркой или заявлением.

8. Что касается высылки иностранцев, то здесь необходимо обеспечить надлежащий баланс между суверенным правом государства на высылку иностранцев и необходимостью соблюдения прав человека соответствующих лиц. Его делегация не может согласиться с формулировкой второго предложения проекта статьи 9, из которой следует, что государ-

ство, которое отменило смертную казнь, автоматически берет на себя положительное обязательство по общему международному праву не высылать лицо, приговоренное к смерти, в государство, где этому лицу грозит смертная казнь, не получив предварительной гарантии того, что смертный приговор не будет приведен в исполнение. Из этого проекта статьи следует также, что такое обязательство является одним из аспектов обеспечения соблюдения права на жизнь. Однако общее международное право не предусматривает такое обязательство, и необходимость соблюдения права на жизнь не подразумевает требования об отмене смертной казни. Государство, отменившее смертную казнь, согласно обычному праву не несет обязательства запрещать передачу того или иного лица другому государству, где ему может быть вынесен смертный приговор. Если государство решает взять на себя такое обязательство согласно конкретному международному договору — это другое дело.

9. Проект статьи 8 гласит, что любое высланное лицо имеет право на соблюдение своих основных прав, а также всех других прав, реализация которых обусловлена его специфическим положением; непонятно, почему проводится различие между различными группами прав человека. Попытка составить перечень соответствующих прав и даже использование термина «основные права» в тексте проектов статей лишь повлекут за собой долгую и, возможно, безрезультатную дискуссию о том, что представляют собой такие права. Когда государство решает выслать то или иное лицо, оно обязано соблюдать все права человека, распространяющиеся на это лицо. Права, которые должны соблюдаться в такой ситуации, являются заведомо ситуативными и могут меняться по мере развития общих норм международного права. Поэтому следует, исходя из практических соображений, использовать в тексте более широкий и емкий термин «права человека».

10. **Г-н Ковальски** (Португалия) говорит, что его делегация признает высокое качество и ценность работы по вопросу об оговорках к международным договорам, но при этом считает, что предлагаемые решения слишком амбициозны и не основаны в достаточной степени на практике применения государствами Венских конвенций о праве международных договоров. Оговорки и заявления о толковании — это две разные правовые концепции: первые имеют прямые юридические последствия, а

вторые касаются в основном толкования. В Венских конвенциях заявления о толковании не рассматриваются, и, поскольку вопросы, о которых идет речь, выходят за рамки этих конвенций, его делегация рекомендует проявлять осторожность.

11. Что касается допустимости реакций на оговорки, заявлений о толковании и реакций на заявления о толковании, то, хотя его делегация понимает, почему Комиссия хотела бы разграничить действительные и недействительные оговорки, она полагает, что делать это рано и что такая классификация была бы слишком широкой. Положения Венских конвенций, возможно, являются достаточной основой для решения вопроса о действительности. Таким образом, следует в первую очередь сосредоточиться на последствиях реакций на оговорки и заявления о толковании.

12. Его делегация согласна с предложением Специального докладчика о том, чтобы разделить предлагаемый проект руководящего положения 3.4 («Субстантивная действительность принятия и возражения») на два отдельных положения, но при этом считает, что в связи с проектом нового руководящего положения 3.4.2 («Субстантивная действительность возражения против оговорки») в тех случаях, когда возражение призвано изменить или исключить юридические последствия некоторых положений договора, не затрагиваемых первоначальной оговоркой, возникает вопрос о том, не является ли такое возражение по сути оговоркой и не должно ли оно рассматриваться соответствующим образом.

13. Что касается проектов руководящих положений 3.5.2 и 3.5.3, касающихся условных заявлений о толковании, то неопределенность в отношении правового характера таких заявлений может отрицательно сказаться на «диалоге об оговорках», который необходимо всячески поддерживать. Необходимо дальнейший всесторонний анализ с целью четко определить правовой характер условных заявлений о толковании, выявить их юридические последствия и решить, каким образом их следует рассматривать.

14. Что касается проекта руководящего положения 3.6 («Субстантивная действительность одобрения, несогласия или переквалификации»), то его делегация уже отмечала в связи с руководящим положением 2.9.1, что слово «одобрение» имеет конкретное правовое значение, которое в данном кон-

тексте неуместно и даже может привести к неверному толкованию положения, поскольку предполагает, что заявление о толковании должно отвечать тем же требованиям внутригосударственного законодательства, что и формулировка оговорки. В комментарии к руководящему положению 2.9.1 следует более четко разъяснить, каким образом используется этот термин. С другой стороны, оратор с удовлетворением отмечает, что в английском тексте слово “reclassification” было заменено на “recharacterization”. Это позволило устранить неясность, четко указав, что «скрытая оговорка» с самого начала является заявлением о толковании, а не оговоркой, и поможет не допустить волюнтаристского подхода к решению этого вопроса.

15. Хотя вопрос об оговорках к международным договорам тесно связан с правопреемством государств, Комиссия не уполномочена заниматься развитием международного права в этой области и должна сосредоточиться на скорейшем завершении разработки Руководства по практике.

16. Что касается высылки иностранцев, то крайне важно предусмотреть надлежащие пределы права на высылку — при высылке должны соблюдаться права личности. Необходимо всесторонне изучить этот вопрос, не ограничиваясь перечнем конкретных прав. Представляется, что в докладе были оставлены без внимания некоторые важнейшие вопросы, включая вопрос о том, что можно считать убедительным заверением в том, что принимающее государство не приведет в исполнение приговор о смертной казни. Вопрос об убедительных заверениях актуален также в отношении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Эти вопросы очень важны для его делегации, поскольку Конституция Португалии предусматривает запрет на высылку иностранцев в страны, где им грозит реальная опасность подвергнуться пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или же опасности смертной казни. Что касается смертной казни, то по-прежнему неясно, следует ли в этой связи говорить о высылке или об экстрадиции. Этот аспект необходимо прояснить, проведя четкую границу между этими двумя правовыми концепциями. В заключение оратор отмечает, что у Португалии имеются сомнения в отношении того, что нормы международного права устанавливают абсолютный запрет на дискриминацию по

признаку национальности, когда речь идет о высылке.

17. **Г-н Духек** (Чешская Республика), обращаясь сначала к теме допустимости реакций на оговорки, отмечает, что на самом деле главный вопрос заключается не в том, является ли соответствующее действие допустимым, а в том, приведет ли оно к желаемым юридическим последствиям. Поэтому Комиссии следует сосредоточиться на рассмотрении вопроса о последствиях реагирования на оговорки к международным договорам.

18. Что касается проекта руководящего положения 3.4.1, то непонятно, почему вопросы допустимости прямо выраженного и молчаливого принятия оговорки должны регулироваться по-разному, что идет вразрез с положениями Венских конвенций 1969 и 1986 годов. По мнению Специального докладчика, было бы неправильно говорить о допустимости реакций на оговорки, независимо от того, является ли соответствующая оговорка допустимой, и такой подход представляет собой один из вариантов решения этого вопроса. Внести ясность в него можно также, указав, что статьи 20 и 21 Венской конвенции, касающиеся принятия оговорки и возражения против них, применяются только в отношении допустимых оговорок.

19. Аналогичные сомнения у его делегации имеются в отношении проекта руководящего положения 3.4.2, касающегося допустимости возражений с «промежуточным эффектом». Как об этом говорится в докладе Специального докладчика, такие возражения делаются редко, в отдельных, очень специфических случаях, и не имеют четкой правовой базы в Венских конвенциях. В связи с этим возникает вопрос о том, оправданы ли вообще попытки установить специальные правила, регулирующие вопросы допустимости такого рода возражений. Кроме того, в проекте руководящего положения 3.4.2 проводится различие между допустимыми и недопустимыми возражениями с «промежуточным эффектом»; непонятно, какими должны быть на практике последствия такой дифференциации и имеют ли эти две категории возражений различные правовые последствия.

20. Главный вопрос касается не допустимости возражений против оговорок, а их последствий. Оценивать возражения с «промежуточным эффектом» следует, прежде всего, опираясь на пункт 3

статьи 21 Венской конвенции, касающийся юридических последствий возражений против оговорок, прежде всего исходя из фразы «положения, к которым относится оговорка». В связи с этим возражения с «промежуточным эффектом» по своим юридическим последствиям схожи с оговорками, ограниченными *ratione personae*, поскольку их сфера действия шире, чем сфера действия первоначальной оговорки, в ответ на которую они были сделаны. Принимая во внимание возможные юридические последствия возражений, как о них говорится в Венских конвенциях, вполне разумно, что возражение с «промежуточным эффектом», как и любое другое возражение против оговорки, не может повлечь за собой несовместимость договора с императивной нормой международного права. Как отмечается в докладе Специального докладчика, возражение может лишь исключить применение одного или нескольких положений договора или применение договора в целом в двусторонних отношениях между автором возражения и автором поправки. При этом эти отношения по-прежнему регулируются нормами общего международного права, включая нормы *jus cogens*.

21. Что касается высылки иностранцев, то вопрос о взаимосвязи между высылкой и правами человека является крайне важным и требует всестороннего рассмотрения, включая анализ большего числа юридических источников по вопросам миграции и прав человека, а также углубленное изучение практики международных органов, уполномоченных следить за соблюдением государствами прав человека в процессе высылки. В связи с этим следует более активно опираться на работу Комитета по правам человека. Его делегация приветствует пересмотренный план работы и с удовлетворением отмечает, что в ближайшем будущем планируется рассмотреть вопрос о соблюдении процессуальных гарантий, распространяющихся на высланных и высланных лиц.

22. **Г-н Лю Чжэньминь** (Китай), затрагивая сначала вопрос об оговорках к международным договорам, отмечает, что, хотя принятые в предварительном порядке руководящие положения 2.9.8 («Отсутствие презумпции одобрения или несогласия») и 2.9.9 («Молчание в отношении заявления о толковании») были в определенной степени согласованы, работу над ними нельзя считать завершенной. Так, отсутствуют четкие указания в отношении исклю-

чительных случаев, когда может быть сделан вывод об одобрении заявления о толковании или несогласии с ним, а также не разъясняется, каким образом и в какой степени молчание может расцениваться как молчаливое одобрение.

23. Органы по урегулированию споров и договорные органы компетентны оценивать допустимость оговорок, когда такие полномочия предоставлены им договаривающимися сторонами; вместе с тем приоритет должна иметь оценка их допустимости договаривающимися сторонами. В руководящих положениях должно ясно говориться, что, когда оговорка признается недопустимой, автор этой оговорки должен иметь возможность по своему усмотрению либо снять ее, либо денонсировать договор.

24. Что касается действительности заявлений о толковании и реакций на оговорки и заявления о толковании, то необходимо уточнить значение формулировок «затрагиваемый оговоркой» и «достаточная связь с положениями, в отношении которых сформулирована оговорка», содержащихся в проекте руководящего положения 3.4.2. Из проекта руководящего положения 3.5 следует исключить указание на «императивную норму общего международного права», поскольку имеются серьезные разногласия в отношении сферы действия таких норм и того, кто должен ее определять; включение этой концепции в проекты руководящих положений может привести к спорам на практике. Необходимо уточнить также некоторые аспекты проекта руководящего положения 3.5.1, прежде всего вопросы о том, кто определяет, является ли одностороннее заявление оговоркой, и каким образом должны разрешаться разногласия в том случае, если договаривающиеся стороны расходятся во мнении о том, является ли конкретное заявление о толковании оговоркой.

25. Его делегация с интересом ожидает завершения работы над проектом руководящих положений, но при этом с обеспокоенностью отмечает, что их ценность как документа, которым государства могли бы руководствоваться в своей практике, может быть поставлена под угрозу, поскольку они не опираются в достаточной степени на практику государств, являются слишком объемными и слишком подробными. Она выражает надежду на то, что Комиссия и Специальный докладчик признают эти проблемы и примут надлежащие меры в связи с ними.

26. При рассмотрении вопроса о высылке иностранцев необходимо найти баланс между правом государств на высылку иностранцев и их обязанностью соблюдать права человека высланных лиц. Особо следует отметить проект статьи 10 («Обязательство уважать достоинство высланных лиц»), поскольку она будет иметь большое положительное значение на практике. Вместе с тем оратор выражает сомнение в том, что пункт 2 проекта статьи 13 («Обязательство уважать право на личную жизнь и на семейную жизнь»), который гласит, что государство обязано соблюдать справедливый баланс интересов государства и затрагиваемого лица, можно будет реально применять, поскольку на практике крайне сложно определить, соблюдается ли такой баланс.

27. Предложенные Специальным докладчиком пересмотренные проекты статей (A/CN.4/617) представляются более понятными и систематизированными. Новый проект плана работы (A/CN.4/618) представляется разумным; однако главу 8 («Права высланного лица») следует включить в часть 1 («Общие нормы») и добавить в эту же часть новую главу, озаглавленную «Условия для законной высылки». В рамках части 2 («Процедуры высылки») Комиссии следует тщательно изучить практику государств в этой области, с тем чтобы разработать разумные и реально применимые статьи, которые были бы приемлемыми для всех государств.

28. **Г-н Панахиазар** (Исламская Республика Иран), комментируя проект руководящих положений об оговорках к международным договорам, говорит, что эти руководящие положения не должны выходить за рамки своего изначального предназначения, которое состоит в том, чтобы служить практическим руководством по применению соответствующих положений Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров. Заявления о толковании часто используются государствами для того, чтобы обойти формальные ограничения, установленные в отношении оговорок, облегчив тем самым процесс присоединения к международным договорам. Разработка подробных руководящих указаний в отношении заявлений о толковании может не только подорвать эту их функцию, но и создать проблемы в их применении на практике, одновременно сделав Руководство по практике менее полезным с точки зрения обеспечения применения положений Венской конвенции. Оговорки и заявле-

ния о толковании — это два разных правовых понятия, и для их регулирования необходимы разные правовые режимы. Поэтому нецелесообразно распространять на заявления о толковании *mutatis mutandis* те же процедурные и материально-правовые требования, которые применяются в отношении оговорок.

29. Что касается вопроса о допустимости реакций на оговорки, то не всякая реакция непременно является допустимой или действительной. Международный Суд в своем консультативном заключении об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него сделал вывод о том, что «таким образом объект и цель Конвенции ограничивают как свободу формулирования оговорок, так и свободу возражения против них». Тот факт, что в 1966 году Комиссия приняла решение не устанавливать условия допустимости возражений, не должен помешать ей сделать это сейчас, принимая во внимание многочисленные случаи возражения против оговорок в последние годы. Любое возражение против оговорки должно быть сформулировано таким образом, чтобы соблюдался принцип, гласящий, что государства являются связанными обязательствами по договору только в том случае, если они выразили свое согласие на это, и что одно государство не может связать другое тем или иным обязательством против воли последнего. Кроме того, возражения не должны наносить ущерб объекту и цели договора и не могут противоречить той или иной императивной норме международного права.

30. Что касается вопроса о допустимости оговорок с «промежуточным эффектом», то возражения, целью которых является исключить применение положений договора, не затрагиваемых самой оговоркой, серьезно угрожают стабильности договорных отношений и могут противоречить объекту и цели договора. В проекте руководящего положения 3.4.2 условие наличия «достаточной связи» между положениями представляется непонятным, а второе требование — что возражение не должно иметь следствием лишение договора его объекта или цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения — идет вразрез с целью Венских конвенций, которая заключается в обеспечении уважения объекта и цели договора в целом. Проект руководящих положений не должен ни менять общий

режим Венских конвенций, ни отходить от общей практики государств.

31. Что касается высылки иностранцев, то его делегация вновь заявляет, что право высылать иностранцев является неотъемлемой частью государственного суверенитета, но при этом оно должно осуществляться при соблюдении признанных принципов общего международного права. Высылаемый иностранец должен пользоваться защитой в соответствии с международным правом прав человека, а именно в соответствии с применимыми и не допускающими отступлений нормами в этой области. Такой подход позволил бы более эффективно обеспечивать защиту иностранцев, чем отсылка к понятию «основные права», содержание которого расплывчато и вызывает разногласия. Защита не должна обуславливаться соблюдением всех документов по правам человека, что только запутает ситуацию. В данном случае следует стремиться обеспечить кодификацию международного права, а не его прогрессивное развитие. Проект статьи 8 следует пересмотреть в соответствии с этим подходом.

32. Проекты статей 9–14 представляются излишними, поскольку нормы, касающиеся соблюдения прав человека, уже четко закреплены в целом ряде международных документов по правам человека. Если Комиссия решит все же сохранить эти статьи, они должны быть сжатыми. Из проекта статьи 9 о праве на жизнь можно исключить пункт 1 и вторую часть пункта 2. Поскольку уважение достоинства лиц является одним из основных принципов, лежащих в основе всех прав человека, пункт 2 проекта статьи 10 можно было бы включить в проект статьи 8, а пункт 1 исключить, поскольку он является излишним. Проект статьи 12 о защите детей, в частности пункт 2, не отражает надлежащим образом принцип неделимости семьи. Что касается проекта статьи 13, то, если Комиссия считает необходимым сохранить отдельную статью о праве на частную и семейную жизнь, пункта 1 было бы достаточно. Формулировка пункта 2 представляется неоднозначной и расплывчатой. Что касается проекта статьи 14, то обязательство не подвергать дискриминации представляет собой не право, а один из основополагающих принципов. Если Комиссия желает сохранить этот принцип в тексте документа, то это можно сделать в отдельном пункте в проекте статьи 8 в более простой форме, опустив спорные мо-

менты, которые выходят за рамки попыток кодификации.

33. **Г-жа Телалян** (Греция), говоря об оговорках к международным договорам, отмечает, что ее делегация выступает за включение в текст руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3 бис, касающихся, соответственно, формы заявлений о толковании и способов уведомления о них, в виде рекомендаций. Она согласна также со Специальным докладчиком в том, что руководящее положение 2.4.3 бис не должно содержать ссылки на руководящее положение 2.1.8, поскольку вопрос о допустимости заявлений о толковании должен рассматриваться отдельно от вопроса о недопустимых оговорках и условных заявлениях о толковании. Точно так же, поскольку государства, как правило, не стремятся изложить свою позицию в отношении смысла того или иного положения договора, требовать от них указывать мотивы заявлений о толковании нецелесообразно. Вместе с тем, было бы полезно иметь информацию о мотивах реакции государства на заявление о толковании, как это предусмотрено в руководящем положении 2.9.6.

34. Ее делегация уже излагала свою позицию в отношении допустимости реакций на оговорки в предыдущие годы: поскольку положения статей 20 и 21 Венской конвенции не применяются в отношении оговорок, противоречащих объекту и цели договора, принятие таких оговорок и возражение против них не имеют юридических последствий. Кроме того, по мнению ее делегации, отсутствие реакции на недопустимую оговорку не означает ее принятия, поскольку пункт 5 статьи 20 Конвенции относится только к допустимым оговоркам. Любое другое толкование означало бы, что молчание других государств — участников договора следует рассматривать как их молчаливое согласие с недопустимой оговоркой. Такая позиция противоречит сложившейся практике, а в случае с договорами по правам человека в перспективе лишит органы по наблюдению за их осуществлением возможности решать, совместима ли оговорка с объектом и целью договора. Оратор приветствует решение Специального докладчика разделить проект положения 3.4 на два отдельных положения — 3.4.1 и 3.4.2, — поскольку такой шаг позволяет решить эту проблему. Условия допустимости возражений с «промежуточным эффектом», изложенные в проекте руководящего положения 3.4.2, вносят ясность в этот вопрос.

35. Ее делегация согласна с критериями допустимости заявлений о толковании, изложенными в проекте руководящего положения 3.5.1; заявление, имеющее своей целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора, должно считаться оговоркой по смыслу пункта 1(d) статьи 2 Венской конвенции и, следовательно, должно оцениваться согласно руководящим положениям 3.1–3.1.13 (а не 3.1.15, как об этом говорится в проекте этого руководящего указания). И напротив, на заявления о толковании, не считающиеся оговорками, не должен распространяться режим допустимости и действительности оговорок, установленный в Венской конвенции; такие заявления являются обязательными только для государства-автора и не имеют обязательной юридической силы для других государств-участников, если они не приняли такое заявление. Таким образом, ее делегация может согласиться либо с изначальной формулировкой проекта руководящего положения 3.5, предложенной Специальным докладчиком, либо с его пересмотренным вариантом, в котором вводится дополнительное условие действительности таких заявлений — их совместимость с нормой *jus cogens*.

36. Ее делегация согласна также с пересмотренным вариантом проекта руководящего положения 3.6, хотя, как и в случае с проектом руководящего положения 3.5, случаи, когда договор прямо запрещает заявления о толковании, крайне редки. Было бы полезно ознакомиться с примерами договоров, прямо запрещающих такие заявления.

37. Как справедливо отметил Специальный докладчик, условное заявление о толковании потенциально представляет собой оговорку и поэтому должно отвечать тем же условиям допустимости. Этот вопрос рассматривается в проекте руководящего положения 3.5.2, но важно отметить, что не все условные заявления о толковании можно считать оговорками. Было бы неразумно слишком тесно увязывать режим, применимый к условным заявлениям о толковании, с режимом, регулирующим оговорки. Если Комиссия в конечном итоге решит провести различие между простыми и условными заявлениями о толковании, то проект руководящего положения 3.5.2 можно будет сохранить для целей правовой определенности.

38. Переходя к вопросу о высылке иностранцев, оратор отмечает, что новый проект плана работы,

представленный Специальным докладчиком (A/CN.4/618), хотя он и является предварительным, представляется полезным, поскольку позволяет составить полное представление обо всех вопросах, которые предполагается охватить в проектах статей. Она намерена в своем заявлении представить замечания по проектам статей о защите прав человека высланных и высылаемых лиц в пересмотренном и перестроенном Специальным докладчиком виде (A/CN.4/617).

39. Право на высылку иностранных граждан является неотъемлемым элементом государственного суверенитета, а в международных договорах по правам человека не гарантируется прямо право иностранного лица на въезд, проживание и создание семьи на территории какой-либо конкретной страны. Контроль за въездом и проживанием иностранцев тесно связан с правом и обязанностью государств поддерживать общественный порядок, а также преследовать другие законные цели, такие как экономическое благосостояние страны. Вместе с тем государства обязаны соблюдать материально-правовые и процедурные ограничения, предусмотренные международным правом, включая международное право прав человека. Это деликатный вопрос, подходить к которому нужно осторожно и взвешенно, опираясь на существующую практику, а не пытаясь установить новые стандарты; Специальному докладчику следует также уточнить ряд понятий и лишь потом приступить к более подробному изучению этого вопроса.

40. Что касается проекта статьи 8 («Общее обязательство соблюдать права человека высланного или высылаемого лица»), то ее делегация твердо убеждена, что нельзя пытаться установить иерархию таких прав и что было бы крайне трудно привести исчерпывающий перечень прав, которые должны соблюдаться при высылке. Более реалистично было бы очертить круг более общих прав, имеющих самое непосредственное отношение к этой теме.

41. Можно было бы рассмотреть возможность включения в проекты статей упоминания о возможных ограничениях прав человека высылаемых лиц, но в таком случае следует перечислить также условия (такие, как обеспечение законности, преследование легитимной цели и пропорциональность), которые должны быть выполнены, чтобы такие ограничения считались допустимыми по международному праву.

42. Что касается проекта статьи 9 («Обязательство уважать достоинство высланного или высылаемого лица»), то ее делегация разделяет мнение о том, что человеческое достоинство — это концепция, на которой зиждутся права человека, и основополагающая ценность, которая должна уважаться и охраняться при любых обстоятельствах. Вместе с тем непонятно, какие конкретно права личности и соответствующие обязанности государства, если таковые имеются, вытекают из необходимости уважать достоинство высылаемых лиц. Хотя конкретные упоминания о достоинстве личности содержатся в нескольких договорах по правам человека, а также в ряде документов, не имеющих обязательной юридической силы, в большинстве из них такие упоминания содержатся лишь в пунктах преамбулы.

43. Ее делегация разделяет мнение о том, что запрет на дискриминацию по признакам, перечисленным в пункте 1 проекта статьи 10 («Обязательство недискриминации»), является важным ограничением права государства на высылку и что принцип недискриминации в этом случае распространяется на высланных и высылаемых лиц. Однако с учетом подхода, который применяется в вопросах высылки государством своих граждан, нет необходимости в закреплении обязательства не проводить различий между гражданами и иностранцами в этой связи. Тем не менее она понимает, что принцип недискриминации не исключает возможности различного рода дифференциации иностранцев; примером законной дифференциации в этой связи является особый порядок действий в отношении граждан государств — членов Европейского союза.

44. Что касается проекта статьи 12, изначально озаглавленной «Обязательство уважать право на личную и на семейную жизнь», то указание на обязательство уважать право на личную жизнь ставит ряд сложных вопросов, поскольку эта концепция является еще более расплывчатой, чем понятие «семейная жизнь». Поэтому было верным шагом ограничить сферу действия этой статьи правом на семейную жизнь, которое имеет непосредственное отношение к вопросам высылки. Кроме того, в пункте 2 слово “derogate from” следует заменить словами “limit” или “restrict”, поскольку термин “derogation” имеет конкретное значение в международном праве прав человека: он относится к ущемлению прав в результате мер, которые государства принимают в чрезвычайных ситуациях, но которые

представляли бы собой нарушение положений международных договоров в обычных обстоятельствах, тогда как английские термины “limitation” и “restriction” относятся к вмешательству в осуществление прав человека, допустимому при соблюдении определенных условий.

45. Относительно пункта 2 ее делегация считает также, что вместо указания на «международное право» следует сохранить указание на «право», как в предыдущем варианте, поскольку ограничения на осуществление прав человека должны быть установлены законом; кроме того, ограничение любого права, установленного в таком международном договоре, допускается только при соблюдении материально-правовых и процедурных требований, предусмотренных в применимом внутригосударственном законодательстве, которое, в свою очередь, должно соответствовать положениям международных договоров по правам человека. Такой подход используется в ряде статей Международного пакта о гражданских и политических правах и пользуется поддержкой органа, наблюдающего за его выполнением, — Комитета по правам человека.

46. Важнейшим условием допустимости ограничений на осуществление права на семейную жизнь является необходимость обеспечения баланса интересов высылающего государства и интересов высылаемого лица. Результаты этого процесса часто непредсказуемы и зависят от конкретных обстоятельств; международное прецедентное право показывает, что государства пользуются существенной свободой при оценке целесообразности таких ограничений, и установить общие правила и критерии в этой области было бы трудно, а то и невозможно.

47. Ее делегация поддерживает предложение о включении в проект статьи 13 указания на «наилучшее обеспечение интересов ребенка» как на важнейший критерий оценки любых мер, принимаемых в отношении детей. Хотя ряд государств ввели конкретные меры для защиты прав и обеспечения благополучия высылаемых детей, в отсутствие соответствующей международно-правовой базы трудно составить исчерпывающий перечень других категорий уязвимых лиц, которые должны пользоваться особыми правами на протяжении всего этого процесса.

48. **Г-н Шаповал** (Украина) говорит, что документ, регулирующий высылку иностранцев, необ-

ходим потому, что в современном мире крайне важно обеспечивать одновременно уважение прав человека высылаемых лиц и осуществление государствами их суверенного права на высылку. Любые попытки регулирования этих вопросов должны опираться на принципы и нормы обычного международного права. Прежде всего Комиссии следует иметь в виду, что государства должны обеспечивать соблюдение прав всех высылаемых лиц и что во внутригосударственном законодательстве должно проводиться различие между иностранцами, находящимися в стране на законном и на незаконном положении. Лица, имеющие двойное и множественное гражданство, должны приравниваться к гражданам, и поэтому на них должен распространяться принцип невысылки граждан. Право государства на высылку ограничивается также конкретными материально-правовыми и процедурными требованиями, включая нормы в области защиты беженцев, лиц без гражданства и других уязвимых категорий лиц.

49. Государство имеет суверенное право высылать со своей территории иностранцев, если они совершили преступление или административное правонарушение; если их действия нарушают его законодательство о правовом статусе иностранных граждан или угрожают безопасности и общественному порядку в государстве; либо если высылка необходима для защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов его граждан. Дальнейшая работа Комиссии над этим вопросом должна быть направлена на совершенствование и укрепление существующих процедур.

50. Его делегация придает большое значение вопросам, касающимся оговорок к международным договорам, и считает, что ядром современной системы права международных договоров, где заложена основа режима оговорок к ним, являются Венские конвенции 1969 и 1986 годов. Комиссия внесла ясность в важные вопросы, касающиеся этой темы.

51. Что касается руководящего положения 3.2 («Оценка допустимости оговорок»), то его делегация согласна с тем, что органы по урегулированию споров и договорные органы также компетентны оценивать допустимость оговорок. Вместе с тем следует внимательно рассмотреть вопрос о последствиях недопустимых оговорок в случае их снятия или изменения сделавшими их государствами. Нельзя допускать, чтобы государство присоеди-

лось к тому или иному международному договору, одновременно посредством оговорок аннулируя его ключевые положения; такие оговорки являются недопустимыми и не должны каким-либо образом влиять на юридическое действие договора. Заслуживают рассмотрения также вопросы, касающиеся заявлений о толковании, которые иногда могут представлять собой скрытые оговорки. Когда все стороны формально принимают априори недействительную оговорку, такое принятие может расцениваться как единодушное согласие на внесение поправки в договор по смыслу статьи 39 Венской конвенции.

52. В руководящем положении 3.2.4 перечисляются возможные механизмы оценки действительности оговорок; его делегация согласна с тем, что они являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Вместе с тем, оценка допустимости или недопустимости оговорок к международным договорам должна быть прерогативой их государств-участников, а правомочия давать оценку допустимости — сохраняться в отношениях между государствам, сделавшим оговорку, и другими государствами — участниками договора. В соответствии со старейшим принципом международного права — *acta sunt servanda*, — становясь участником договора, государства соглашаются с вытекающими из него обязательствами. Органы по наблюдению за выполнением договоров имеют только те полномочия, которыми их наделили государства-участники, и выполняют только те функции, которые были возложены на них соответствующим договором. Споры, касающиеся допустимости оговорок, должны разрешаться только с помощью механизма урегулирования споров, предусмотренного согласно либо договору, либо специальной договоренности между государствами-членами.

53. **Г-жа Нагм** (Египет) говорит, что важно обеспечить правовой баланс между обязанностями высылкающего и принимающего государств в соответствии с принципами международного права. Поэтому ее делегация согласна с тем, что право государств на высылку иностранцев должно уравновешиваться их обязанностью обеспечивать соблюдение прав человека с учетом ситуации в принимающем государстве. Однако требовать от высылкающего государства проверять, соблюдаются ли те или иные стандарты в принимающем государстве, в частности стандарты в области прав человека, — шаг

сомнительный, поскольку это является нарушением принципа национального суверенитета, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и международном праве в качестве основы для сотрудничества между государствами.

54. Таким образом, важно, чтобы все государства-члены соблюдали основополагающие принципы прав человека, включая принцип уважения человеческого достоинства высылкаемого лица, а также чтобы высылкающее государство не проводило дискриминационных различий между различными группами подлежащих высылке иностранцев, принимая соответствующие меры. Необходимо разработать справедливые правовые и процессуальные нормы, призванные положить конец незаконной высылке иностранцев в нарушение предусмотренной международным правом свободы передвижения. Вместе с тем Комиссии не следует пытаться трактовать концепцию уважения прав человека, поскольку это означало бы вдаваться в политические аспекты, чего делать не следует. Вместо этого она должна выделить правовые стандарты, приемлемые для большинства государств-членов, не ориентируясь при этом на правовую практику, закрепившуюся в том или ином регионе мира.

55. В связи с этим Египет поддерживает включение в документ проектов статей, предусматривающих процессуальные гарантии для высланных и высылкаемых лиц, прежде всего право оспорить законность высылки, право быть заслушанным и право на помощь адвоката. Следует предусмотреть также положения, касающиеся права собственности, прежде всего в связи с проблемой конфискации имущества высылкаемого иностранца, а также положения о праве на компенсацию в случае незаконной высылки. Упоминания об этих обязанностях в комментарии недостаточно.

56. Как об этом говорится в пункте 2 проекта статьи 9, обязательство защищать право на жизнь высылкаемых лиц как в высылкающем государстве, так и с учетом ситуации в принимающем государстве, совершенно не совместимо с признанными принципами обычного международного права, в соответствии с которыми государства имеют право устанавливать надлежащее наказание за преступления, совершаемые на их территории. Ее делегация выступает против включения в документ положения об обязательстве не выдавать лицо, которому в принимающем государстве грозит смертная казнь, прежде

всего потому, что такие вопросы решаются с учетом политических соображений и на основе взаимности. Даже если это является обычной практикой в некоторых государствах или регионах мира, эти понятия по-прежнему являются предметом разногласий между государствами-членами. Поэтому при разработке статей, предусматривающих такие обязательства, необходимо проявлять осторожность.

57. **Г-н Хорват** (Венгрия) говорит, что его делегация с самого начала поддерживала работу Комиссии по вопросам, касающимся оговорок к международным договорам. Руководящее положение 3.2 («Оценка допустимости оговорок») позволит прояснить некоторые спорные моменты, которые иногда возникают в отношениях между договаривающимися государствами. Руководящие положения, касающиеся органов по наблюдению за выполнением договоров, позволяют заполнить пробел в этой области, обусловленный тем, что попытки включить подобные положения в Венскую конвенцию 1969 года не увенчались успехом.

58. Цель Руководства по практике заключается в том, чтобы закрепить свод норм, касающихся наиболее важных аспектов оговорок к международным договорам, с тем чтобы сделать практику государств более единообразной. Чтобы достичь этой цели, необходимо найти правильное соотношение между шириной охвата статей и разумными сроками завершения работы. Его делегация вновь призывает попытаться завершить работу по этой теме к 2011 году.

59. Оратор ожидает обсуждения Комиссией рассмотренных проектов статей о высылке иностранцев на ее следующей сессии и согласен с делегациями, которые выступают за то, чтобы предусмотреть в проектах статей указание лишь на общее обязательство государств обеспечивать соблюдение прав человека высланных лиц. Идея провести различие между правами человека и основными правами, особенно когда речь идет о лицах, подлежащих высылке, представляется весьма спорной и требует внимательнейшего изучения. Его делегация в положенный срок представит письменный ответ на вопросы Комиссии по этой теме.

60. Что касается защиты людей в случае бедствий, то его делегация считает, что текст проектов статей в целом оправдал ее ожидания, и согласна с предложением разделить проект статьи 1 на две статьи,

посвященные, соответственно, сфере охвата и цели документа. Он приветствует также предложение о том, чтобы исключить упоминание о «вооруженном конфликте» из определения понятия «бедствие», но согласилась бы также на какую-либо альтернативную формулировку, которая позволила бы избежать частичного совпадения с международным гуманитарным правом.

61. Что касается вопроса об общих природных ресурсах, то, хотя правительство его страны представило ответы на распространенный в 2007 году вопросник по нефтегазовым ресурсам, его делегация не видит срочной необходимости в том, чтобы включать этот вопрос в повестку дня Комиссии.

62. Его делегация приветствует работу Комиссии по вопросам, касающимся обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*), поскольку важно иметь полное представление о различных способах борьбы с преступностью на национальном и международном уровнях. Его страна является участницей нескольких международных договоров и двусторонних соглашений, содержащих положение *aut dedere aut judicare*, и намерена в ближайшее время направить Комиссии информацию о своем законодательстве и практике в этой области.

63. Хотя Специальный докладчик уже представил три доклада по этому вопросу, все еще существует некоторая неопределенность в отношении цели и сферы охвата этого обязательства. Информация о существующих обязательствах и соответствующих законах, представленная государствами-членами в ответ на адресованные им вопросы, позволила Специальному докладчику в своем третьем докладе (A/CN.4/603) выделить некоторые стандартные элементы и пределы сферы применения этого принципа, однако по большей части доклад представляет собой компиляцию национальных нормативных актов в этой области без каких-либо выводов. Рассмотренные на сегодняшний день проекты статей носят предварительный характер, и какими будут результаты этой работы, пока не понятно.

64. Что касается проектов статей 1 и 2, то оратор приветствует намерение определить составляющие элементы принципа *aut dedere aut judicare*, такие как экстрадиция, преследование и юрисдикция. Вместе с тем в проекте статьи 3 лишь повторяются уже закрепленные обязательства, имеющие юридическую

силу. Общие рамки, подготовленные рабочей группой открытого состава, созданной для рассмотрения этой темы, представляются полезными для выявления возможных аспектов этого вопроса; однако, поскольку в них не установлен никакой порядок очередности, едва ли они существенно ускорят работу Специального докладчика.

65. При дальнейшем изучении этой темы следует сосредоточиться на конкретных практических вопросах. Из практики национальных и международных судов понятно, что этот принцип, включая значение термина «под юрисдикцией» и понимание прав государства территориальной юрисдикции, толкуется по-разному. В связи с разделом (d) общих рамок возникает ряд вопросов, касающихся принципов, которые могут повлиять на экстрадицию или служить основанием для отказа в ней. Поскольку многие из этих вопросов (такие как пытки и смертная казнь) уже рассматривались ранее, было бы желательно сосредоточиться на таких спорных вопросах, как злоупотребление этими принципами с целью избежать наказания. Специальный докладчик мог бы также установить взаимосвязь между этим вопросом и другими проблемами, находящимися на рассмотрении Комиссии, такими как иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. По итогам этой работы можно было бы разработать руководящие положения с общепризнанной трактовкой спорных вопросов.

66. Работа по вопросам, касающимся клаузулы о наиболее благоприятствуемой нации, может иметь практическую ценность, учитывая развитие событий после рассмотрения Комиссией этой темы в прошлом. Вопросы, касающиеся договоров, в перспективе являются скорее теоретическими, и их изучение может занять длительное время; оратор выражает надежду на то, что эту тему не постигнет участь проекта руководящих положений об оговорках к международным договорам, работа над которым продолжается уже 16 лет.

67. **Г-н Эрнандес Гарсия** (Мексика) говорит, что в четырнадцатом докладе Специального докладчика об оговорках к международным договорам (A/CN.4/614 и Согг.1 и Add.1) отражены результаты многолетней работы Комиссии и Специального докладчика по этой теме.

68. В связи с руководящим положением 2.9.3 («Переквалификация заявления о толковании») его

делегация согласна с мнением Специального докладчика о том, что последствием переквалификации является изменение юридического статуса одностороннего заявления в отношениях между государством или организацией-автором такого заявления, и государством или организацией, производящими «переквалификацию», и что допустимость таких заявлений определяется, прежде всего, на основе тех же критериев, что и допустимость «простых» заявлений о толковании, но при этом, как отметил Специальный докладчик, если «заявление о толковании» причиняет ущерб юридическим последствиям одного из положений договора или договора в целом, то такое заявление о толковании на самом деле представляет собой поправку, которая должна рассматриваться как таковая и, следовательно, отвечать условиям допустимости и формальной действительности оговорок. Не оспаривая верность этой точки зрения, его делегация, тем не менее, считает, что на практике это может быть проблематично по той причине, что Специальный докладчик предусматривает целый ряд этапов этого процесса: сначала заявление квалифицируется и только потом проверяется на предмет соответствия условиям допустимости оговорок.

69. Кроме того, Специальный докладчик, как представляется, исходит из того, что окончательно переквалифицировать заявление о толковании в оговорку может только компетентный орган; таким образом, пока этого не случилось, допустимость таких заявлений определяется на основе тех же правил, которые применяются в отношении «простых» заявлений о толковании, — иными словами, они в принципе являются допустимыми. А поскольку вопрос о допустимости того или иного толкования договора может решаться только компетентным органом, то, как на это указал Специальный докладчик, непонятно, каковы последствия односторонней переквалификации в том случае, если производящее ее государство лишь выражает свою точку зрения на данный вопрос. Поскольку, как отмечает Специальный докладчик, за исключением предусмотренных в самом договоре запретов на заявления о толковании, сформулировать иные критерии допустимости заявлений о толковании представляется невозможным, заявление о толковании, которое, учитывая его предмет, по сути является оговоркой, может остаться незамеченным сторонами документа, поскольку, в отличие от оговорок, в отношении формы заявлений о толковании и способов уведом-

ления о них других государств-участников никаких требований не установлено.

70. Таким образом, за исключением случаев, когда договаривающееся государство готово обратиться к компетентному органу, чтобы тот оценил подлинность произведенной им переквалификации, такая переквалификация, как представляется, никак не влияет на допустимость или недопустимость заявления о толковании, являющегося по сути оговоркой. Кроме того, хотя понятно, что после переквалификации заявления о толковании в оговорку в отношении такого заявления начинают действовать положения, касающиеся оговорок, непонятно, каким образом договаривающиеся государства уведомляются об этом во исполнение статьи 23 Венской конвенции; хотя этот вопрос может показаться второстепенным, важно принимать во внимание процедуры, установленные в пункте 5 статьи 20 Конвенции.

71. Его делегация приветствует проект руководящего положения 3.4.2, в котором, в отличие от первоначального проекта руководящего положения 3.4, установлены условия допустимости возражений в зависимости от последствий, которых ожидает государство, сформулировавшее возражение. Она разделяет сомнения Специального докладчика в разумности включения в документ положения о недопустимости молчаливого принятия недопустимой оговорки. В заключение оратор отмечает, что замечания его делегации относительно переквалификации относятся также к проекту руководящего положения 3.5.1 («Условия действительности, применимые к заявлениям о толковании, переквалифицированным в оговорки»).

72. **Г-н Спинелли** (Италия), говоря об оговорках к международным договорам, отмечает, что Комиссии предстоит рассмотреть один из наиболее спорных вопросов, а именно вопрос о юридических последствиях оговорок, запрещенных согласно статье 19(с) Венской конвенции по причине их несовместимости с объектом и целью договора. Руководящее положение 3.3, как представляется, основано на предположении о том, что такие оговорки являются недействительными, и отсутствие реакции со стороны других договаривающихся сторон не меняет такое положение дел. Вместе с тем в проекте руководящего положения 2.8.1 о молчаливом принятии оговорок не предусмотрено прямо, что оно не распространяется на недействительные оговорки. В

будущих руководящих положениях Комиссия должна четко указать, что отсутствие возражений против недействительной оговорки со стороны договаривающегося государства или международной организации в течение установленного периода времени не означает, что они принимают ее.

73. Проекты руководящих положений, касающиеся заявлений о толковании, представляются несколько неуместными. Такие заявления по определению не могут считаться оговорками, и вопрос об их юридических последствиях поднимает другие сложные вопросы, которые касаются толкования международных договоров и должны рассматриваться в другом контексте. Комиссии следует просто оговорить, что заявления о толковании не могут считаться оговорками. С другой стороны, то, что Комиссия называет «условные заявления о толковании», вполне подпадает под определение оговорок, содержащееся в подпункте (d) статьи 2 Венской конвенции.

74. Что касается высылки иностранцев, то следует ограничиться рассмотрением только тех прав иностранцев, которые особенно важны в случае высылки. В проектах статей следует уточнить, какое из государств отвечает за обеспечение защиты этих прав. Что касается угрозы нарушения прав в государстве назначения, то было бы полезно изучить вопрос о роли заверений государства назначения в том, что эти права будут соблюдаться.

75. **Г-н Динеску** (Румыния) в связи с вопросом об оговорках к международным договорам говорит, что его делегация выступает за то, чтобы после завершения работы над вопросами, касающимися последствий оговорок и заявлений о толковании и реакций на них, упростить структуру Руководства по практике. Оратор согласен со Специальным докладчиком в том, что содержащиеся заявления о толковании и реакций на них следует широко распространять и что поэтому их желательно представлять в письменном виде. В целом, он согласен с выводами Специального докладчика, сформулированными в руководящих положениях 2.9.8 («Отсутствие презумпции одобрения или несогласия») и 2.9.9 («Молчание в отношении заявления о толковании»). Вместе с тем последствия молчания государства в отношении заявления о толковании должны всегда определяться в зависимости от конкретных обстоятельств. Было бы неразумно предусмотреть презумпцию того, что молчание не влечет за собой ни-

каких последствий и что соответствующие обстоятельства должны приниматься во внимание «в исключительных случаях», как это предлагается в руководящем положении 2.9.9.

76. Его делегация разделяет мнение о том, что формулирование недопустимой оговорки государством или международной организацией само по себе не влечет за собой международной ответственности ее автора. Слов «само по себе» в руководящем положении 3.3.1 достаточно для того, чтобы сохранить возможность наступления ответственности при определенных обстоятельствах.

77. Что касается высылки иностранцев, то предусмотренное в проектах статей разграничение «основных» и «других» прав не отражает обязанности государств уважать все права человека, закрепленные как в договорах, так и в обычном праве. Утверждение о том, что одни права должны соблюдаться более тщательно, чем другие, идет вразрез с обязанностью государств добросовестно выполнять все свои обязательства по международному праву. Кроме того, в некоторых из проектов положений просто частично воспроизводятся нормы, уже закрепленные в международном праве. Такой подход может привести к дублированию уже действующих договорных документов и созданию некой иерархии между ними, и потому его следует пересмотреть.

78. Высылку можно рассматривать с двух точек зрения: как процесс и как меру, влекущую за собой ограничение некоторых прав. Если рассматривать ее как процесс, то важно предусмотреть правила, устанавливающие границы дискреционных полномочий государства: права подлежащих высылке лиц должны соблюдаться на всех этапах процесса принятия и выполнения решения о высылке. Высылка как ограничение некоторых прав должна отвечать условиям, которые предусмотрены международным правом для таких случаев: она должна преследовать легитимную цель и удовлетворять критерию надлежащего баланса между интересами государства и интересами лица. Это разграничение не следует понимать буквально, но полезно иметь его в виду, чтобы понимать разницу между законностью той или иной меры и ее пропорциональностью.

79. **Г-н Хетш** (Европейская комиссия), выступая от имени Европейского сообщества, говорит, что в связи с пятым докладом Специального докладчика о высылке иностранцев (A/CN.4/611 и Согг.1) воз-

никает ряд вопросов. Есть сомнения в том, что абсолютный запрет на дискриминацию по признаку гражданства может считаться составным элементом международного права, касающегося высылки. Европейский суд по правам человека подтвердил право государств — членов Европейского сообщества устанавливать преференциальный режим в отношении граждан других государств-членов, в том числе в вопросах высылки. В Европейском сообществе действует собственный правовой режим и система гражданства. То, что государства в любом случае могут применять разные правила в отношении иностранцев и своих собственных граждан, очевидно из практики заключения международных договоров, таких как соглашения Сообщества об ассоциации с третьими государствами. В отношении граждан государств, с которыми такие соглашения не заключены, применяются соглашения о реадмиссии или законы, принятые на основе положений Договора об учреждении Европейского сообщества и касающиеся виз, предоставления убежища, иммиграции и других мер в отношении иностранцев. На статью 12 Договора, в которой запрещена дискриминация по признаку гражданства в рамках применения Договора, могут ссылаться только граждане стран, входящих в Европейское сообщество, в отношении с гражданами этих же стран. Оратор призывает Комиссию более внимательно изучить стандарты и принципы, закрепленные в предлагаемых проектах статей, поскольку они не всегда отражают практику государств.

80. **Г-н Петрич** (Председатель Комиссии международного права), представляя главу VII доклада Комиссии, посвященную защите людей в случае бедствий, говорит, что Комиссия рассмотрела второй доклад Специального докладчика (A/CN.4/598), но лишь приняла к сведению проекты статей 1–5, принятые в предварительном порядке Редакционным комитетом (A/CN.4/L.758). В своем докладе Специальный докладчик проанализировал сферу охвата темы *ratione materiae*, *ratione personae* and *ratione temporis*. В предложенном им проекте статьи 1 о сфере охвата акцент делается на действия государств и их способность обеспечивать осуществление прав лиц в случае бедствий на основе надлежащего удовлетворения их потребностей. Было найдено правильное соотношение между подходом, ориентированным на уважение прав, и подходом, ориентированным на удовлетворение потребностей, на том основании, что они представляют собой две

стороны одной медали. Некоторые члены Комиссии выступали за то, чтобы в большей степени ориентироваться на уважение прав, тогда как другие выразили обеспокоенность по поводу попыток уравновесить эти два подхода и сомнения в практической применимости подхода, ориентированного на соблюдение прав человека, в экстремальных ситуациях. Большинство членов Комиссии согласилось со Специальным докладчиком в том, что концепция «ответственности за защиту», как она трактуется в настоящее время, не включает защиту людей в случае бедствий.

81. Что касается сферы охвата *ratione materiae*, то большинство членов Комиссии сошлись во мнении о том, что нет необходимости проводить четкое различие между природными и антропогенными причинами бедствий. Они согласились также с тем, что упор в проекте должен быть сделан, прежде всего, на действия государственных субъектов, а вопрос о негосударственных субъектах следует рассмотреть на более позднем этапе, и что сначала Комиссии следует сосредоточиться на этапе реагирования на стихийные бедствия, а вопросы предупреждения и уменьшения опасности рассмотреть позже.

82. Определение бедствия, содержащееся в предложенном Специальным докладчиком проекте статьи 2, основано на определении, содержащемся в Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи. В этой Конвенции понятие «бедствие» определено как «серьезное нарушение функционирования общества», т.е. с точки зрения его последствий, тогда как члены Комиссии высказались за то, чтобы, придерживаясь более традиционного подхода, определить понятие «бедствие» с точки зрения самого события. Специальный докладчик предложил исключить из определения упоминание о вооруженном конфликте с целью сохранить целостность международного гуманитарного права. По мнению некоторых членов Комиссии, было бы лучше сделать это в положении о сфере охвата или включив в текст оговорку «без ущерба». Было отмечено, что не всегда можно с легкостью провести различие между ситуациями вооруженного конфликта и бедствиями и что важно обеспечить, чтобы нормы международного гуманитарного права

продолжали применяться в любой ситуации вооруженного конфликта.

83. В предложенном проекте статьи 3 Специальный докладчик ставит своей целью закрепить основную правовую обязанность государств сотрудничать друг с другом в качестве важнейшей основы деятельности по оказанию помощи в случае бедствий. Хотя члены Комиссии согласились с таким подходом, была также высказана точка зрения о том, что международная помощь должна дополнять, а не заменять собой действия пострадавшего государства; что это положение следует уравновесить признанием того, что главную роль играют сами пострадавшие государства; и что необходимо более детально обсудить вопрос о сфере охвата обязанности сотрудничать. Комиссия рассмотрела также вопрос об обязанности пострадавшего государства сотрудничать с международными организациями, включая Организацию Объединенных Наций.

84. Представляя главу VIII доклада, озаглавленную «Общие природные ресурсы», оратор напоминает о том, что в 2008 году Комиссия одобрила во втором чтении 19 проектов статей с преамбулой о праве трансграничных водоносных горизонтов, что стало первым результатом ее поэтапной работы над этой темой. Еще в 2007 году в рамках специальной рабочей группы она начала предварительное обсуждение вопроса об общих нефтегазовых ресурсах, опираясь на четвертый доклад Специального докладчика (A/CN.4/580). На сессии в 2009 году Комиссия учредила рабочую группу, которая провела одно совещание, рассмотрев рабочий документ по нефти и газу (A/CN.4/608), подготовленный Специальным докладчиком до его ухода с этой должности, а также вопросник по нефти и газу, распространенный среди правительств в 2007 году, и комментарии и замечания, полученные от правительств в ответ на него (A/CN.4/607 и Corr.1 и Add.1). Был проведен обмен мнениями по вопросу о целесообразности дальнейшей работы Комиссии над вопросом о трансграничных нефтегазовых ресурсах, включая практическую необходимость такой работы; деликатный характер вопросов, которые предстояло рассмотреть; взаимосвязь между этим вопросом и вопросом о делимитации границ, включая морские границы; а также трудности в области сбора информации о практике в этой области.

85. Группа постановила отложить принятие решения по вопросу о будущей работе, посвященной

нефтегазовым ресурсам, до сессии Комиссии 2010 года, тем временем поручив г-ну Синья Мура-се провести при поддержке Секретариата исследования, изучив письменные ответы, полученные от правительств, их комментарии и замечания, высказанные в Шестом комитете, и другие актуальные материалы. Среди правительств был еще раз распространен вопросник 2007 года. Комиссия, которая одобрила предложенные Рабочей группой меры, особенно приветствовала бы комментарии правительств по вопросу о том, следует ли ей при рассмотрении темы общих природных ресурсов затрагивать аспекты, касающиеся нефти и газа.

Пункт 78 повестки дня: Уголовная ответственность должностных лиц и экспертов в командировках Организации Объединенных Наций (продолжение) (A/C.6/64/L.8)

86. **Г-жа Телалян** (Греция), Координатор, внося на рассмотрение от имени Бюро проект резолюции A/C.6/64/L.8, говорит, что он подробно обсуждался на неформальных консультациях и в двустороннем формате. Текст в основном повторяет текст резолюции 63/119 Генеральной Ассамблеи с некоторыми изменениями и добавлениями. Из пункта 1 было исключено упоминание о Специальном комитете по вопросу об уголовной ответственности должностных лиц и экспертов в командировках Организации Объединенных Наций, поскольку в 2009 году этот Специальный комитет не проводил совещаний. Пункт 8 теперь гласит, что рассмотрение доклада Группы экспертов по правовым вопросам продолжится на шестьдесят седьмой, а не шестьдесят четвертой, сессии Ассамблеи. В пункте 14 был добавлен текст, в котором Ассамблея настоятельно призывает правительства государств продолжать принимать необходимые меры по осуществлению резолюции 62/63 и 63/119 Генеральной Ассамблеи, включая их положения по вопросу об установлении юрисдикции, особенно в отношении преступлений серьезного характера, как они известны в их действующем национальном уголовном законодательстве, совершенных их гражданами в качестве должностных лиц или экспертов в командировках Организации Объединенных Наций, а также по вопросам сотрудничества между государствами. В пункте 15 повторяется просьба, обращенная к Генеральному секретарю, представить Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят пятой сессии доклад об осуществлении этой резолюции. Соглас-

но новому пункту 17, в этот доклад ему следует включить информацию о том, каким образом Организация Объединенных Наций могла бы поддерживать государства-члены, по их просьбе, в деле разработки национального уголовного законодательства касательно преступлений серьезного характера, совершенных их гражданами в качестве должностных лиц или экспертов в командировках Организации Объединенных Наций. Согласно пункту 18, этот пункт будет включен в предварительную повестку дня шестьдесят пятой сессии Ассамблеи.

Заседание закрывается в 17 ч. 40 м.